

3. Маргинальная ситуация: исследовательские подходы

3.1. Маргинальность и социальная мобильность

Термины, вынесенные в заголовок раздела, представляют две уважаемые социологические традиции, развивающиеся практически независимо друг от друга. Несмотря на то, что проблематика маргинальности пришла в социологию именно в связи с исследованием миграции и проблем, возникающих у человека в новой среде¹¹¹, объединения концепций маргинальности и мобильности не произошло. Можно говорить только о пересечении двух традиций, которое носит, в основном, инструментальный характер. Например, концепция мобильности привлекается в исследованиях маргинальности для уточнения эмпирических границ этого явления¹¹².

Причины такой ситуации понятны. Исторически сложилось так, что концепции маргинальности и мобильности развивались в русле разных методологических традиций. Наиболее сильные теории социальной мобильности возникли в русле структурно-функционального подхода, и основные вопросы, на которые старались дать ответ исследователи мобильности – это вопросы динамики макроструктур – какие потоки мобильности преобладают в обществе, какие факторы (опять же, макропорядка) определяют направление и интенсивность этих перемещений. Концепция же маргинальности зародилась в рамках Чикагской школы, символического интеракционизма и развивалась (по крайней мере в наиболее продуктивных вариантах) в русле микросоциологии. В центре внимания – человек в ситуации маргинальности, и фокус исследования направлен, скорее, на психологическое состояние, ролевые конфликты личности. Поэтому при попытке совместного рассмотрения маргинальности и мобильности возникает проблема методологической совместимости двух концепций. Необходим взаимоперевод терминов, поиск точек соприкосновения.

В то же время объединение этих концепций представляется возможным и крайне перспективным. Возможность объединения заключается в очевидной связи между этими социальными явлениями, выраженная в дефинициях: и в том и в другом случае в определении присутствует переходность, промежуточность положения человека между социальными статусами. Перспективность объединения концепций связана с тем, что совместное рассмотрение проблем маргинальности и мобильности, на наш взгляд, будет полезным для развития и того и другого направления.

В исследованиях маргинальности одна из важнейших проблем – эмпирическая фиксация этого феномена, решается с привлечением традиций исследования мобильности, когда мы диагностируем состояние маргинальности по факту перехода в другую (чаще всего, «крайнюю») социальную группу. С нашей точки зрения, одного факта перехода недостаточно. Возникает целый ряд вопросов – при любом ли социальном перемещении возникает состояние маргинальности? Какие дополнительные индикаторы помогают нам его фиксировать? Для ответа на эти вопросы необходимо привлечение теоретических наработок относительно социальной мобильности.

В исследованиях социальной мобильности недостаточно изучен вопрос о мотивации мобильности, значимости перемещений в социальном пространстве для социального самочувствия индивида. Обращается внимание, в основном, на влияние «успешности» или «неуспешности» жизненной карьеры, априори предполагается, что перемещение вверх становится для человека показателем успеха и свидетельствует о позитивных изменениях в жизни, перемещение вниз, напротив, ведет к стрессу и переживаниям. Такое рассуждение строится полностью в рамках модернистского мировоззрения, достигательской культуры. И это вполне объяснимо, поскольку само возникновение массовой социальной мобильности связано с процессами модернизации и активизация мобильности происходит через разрушение представлений о неизменности иерархии неравенства, фор-

¹¹¹ Park R.E. Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology.- Chicago, 1928. — Vol. 33, N 6.

¹¹² Попова И.П. Маргинальность. Социологический анализ: Учебное пособие. М., «Союз», 1996.

мирование достижительских ценностей¹¹³. Сегодня же мировоззренческие ориентиры меняются, карьера, продвижение вверх перестает восприниматься как безусловная ценность. Следовательно, возникает вопрос об изучении мобильности на микроуровне, исследовании самого момента перехода, его «движущих силах» и субъективной значимости. И в этом анализе, на наш взгляд, может быть полезна концепция маргинальности.

Рассуждая о взаимосвязи маргинальности и мобильности, необходимо иметь в виду, что ни одна из этих социологических тем не имеет четкого и однозначного концептуального решения. И в том, и в другом случае можно говорить лишь о сосуществовании нескольких конкурирующих теоретических подходов. Поэтому важным представляется определить, в рамках какого из подходов к исследованию маргинальности и мобильности мы будем продолжать рассуждение.

3.1.1. Маргинальность

Опираясь на известное различие культурной и структурной маргинальности, попробуем определить с тем, какой из подходов в большей степени подходит для наших задач. С первого взгляда представляется, что концепция мобильности согласуется со структурным пониманием маргинальности, поскольку именно в рамках этого подхода отрабатывается связь маргинализации с процессами, происходящими в социальной структуре. Однако, в действительности, такое решение оказывается непродуктивным. В рамках структурного подхода, прежде всего, рассматриваются группы, которые в результате структурных преобразований перемещаются к периферийным областям социальной структуры. Если мы зададимся вопросом – в каких ситуациях состояние маргинальности «диагностируется» у индивида, то обнаружим, что ответ дать непросто. Либо необходимо признать существование маргинальности «по определению», которая наступает просто вследствие попадания в периферийную группу. Либо для обозначения границ маргинальности приходится выдвигать множество условий: для индивидуальной мобильности – только нисходящая, для маргинальности – достаточно длительное нахождение в группе и т.д. Синтез же концепций маргинальности и мобильности, на наш взгляд, имеет смысл рассматривать только с точки зрения унификации связи между двумя явлениями.

С этой точки зрения культурный подход, определяющий маргинальность как состояние групп людей или личностей, поставленных на грань двух культур, участвующих во взаимодействии этих культур, но не примыкающих полностью ни к одной из них¹¹⁴, представляется более адекватным, поскольку акцентирует внимание на общности ситуации для индивидов и существенных характеристиках этой ситуации. Ситуация маргинальности возникает на основе противоречия систем ценностей двух культур, в которых участвует индивид, и проявляется в двусмысленности, неопределенности статуса и роли.

По классификации маргинальности, предложенной Дж.Б. Ман-чини¹¹⁵, можно говорить о сущностной и процессуальной маргинальности, различие между которыми – статичность или динамичность маргинальной позиции. Нас будет интересовать именно процессуальное понимание маргинальности, связанное с перемещением индивида между социальными статусами, и характеризующее ситуацию адаптации в новой статусной позиции. Более того, нам представляется, что любая ситуация маргинальности должна рассматриваться с процессуальной точки зрения, поскольку потенциально имеет перспективу разрешения. При таком понимании временные характеристики маргинальности – длительность этого состояния и завершенность / незавершенность процесса.

3.1.2. Социальная мобильность

Наиболее общее определение социальной мобильности – перемещение индивида в социальном пространстве. Поэтому выбор методологического подхода к анализу мобильности, в рамках которого возможно взаимодействие с концепцией маргинальности, имеет смысл основывать на базовом различии в понимании социального пространства, сложившемся в современной социологии. Существует два основных подхода к пониманию социального пространства: субстанциалистский и структуралистский¹¹⁶, различия между которыми можно свести к двум блокам:

Логика анализа социального пространства. Если субстанциалистская традиция идет от распознавания, определения элементов социального пространства к описанию связей между ними, то структуралистский подход предполагает обратный путь — от социальных связей к описанию элементов, причем сущностные черты элементов определяются именно через социальные отношения, в которые они вовлечены.

Представление о единице социального пространства. Для субстанциалистского подхода это индивид, вступающий во взаимодействие с другими индивидами. В структуралистском понимании единицей социального пространства является статусная позиция. Индивиды только занимают статусные позиции.

¹¹³ Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе): Пер. с англ. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Универс», 1994.

¹¹⁴ Энциклопедический социологический словарь. Об. редакция Осипова Г.В. М., ИСПИ РАН, 1995 г.

¹¹⁵ См.: Попова И. П. Маргинальность. Социологический анализ: Учебное пособие. М., «Союз», 1996.

¹¹⁶ Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917 – 1996 гг. Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, Институт социологии РАН, 1996.

Структуралистский подход в большей степени соответствует нашим задачам, поскольку позволяет различать характеристики социальной позиции и характеристики индивида. Социальные позиции конструируются в ходе сложных общественных взаимодействий и существуют независимо от индивида, мобильность же представляет собой процесс перемещения из одной позиции в другую. Каждую позицию мы можем описать системой параметров, не сводимых к существенным характеристикам самого индивида, занимающего позицию.

Важная характеристика позиции – набор ролей и идентичностей, который предоставляет место в структуре человеку, занимающему это место. Переход в иную социальную позицию ставит индивида перед необходимостью изменения привычных образцов поведения, адаптации к новому ролевому набору, выработки новой системы координат для различения своего положения в обществе. По определению Ю.Л. Качанова, «позиция имеет значение места или топоса, в котором особым образом... проявляются социальные отношения, т.е. такая особенная область событий, что переход из одной позиции в другую предполагает нарушение непрерывности характеристик, скачок, изменение социального качества»¹¹⁷. Таким образом, объективный показатель — перемещение в социальной структуре, дополняется субъективными проблемами — кризисом идентификации, нормативной и ролевой неопределенностью, разрушением социальных связей, что описывает ситуацию маргинальности.

Можно заключить, что структуралистское видение социального пространства открывает эвристические возможности для понимания взаимосвязи между маргинальностью и мобильностью. Любое перемещение в социальном пространстве ведет к временному состоянию маргинальности. Можно говорить о степени маргинальности, которая зависит от дистанции между социальными позициями – точками перемещения. Чем больше эта дистанция, тем более отличается новый ценностно-нормативный комплекс от прежнего и тем больше усилий и времени требуется для адаптации. Можно говорить о том, что дальность перехода содержит не только пространственную, но и временную характеристику¹¹⁸. Таким образом, мы возвращаемся к вопросу о процессуальности перехода в социальной структуре и процессуальном характере маргинальности.

Итак, можно заключить, что совместное рассмотрение проблематики маргинальности и мобильности методологически возможно и продуктивно. Важнейшими теоретическими основаниями такого анализа, на наш взгляд, должны стать:

Подход к маргинальности как динамически развивающейся ситуации, связанной с перемещением индивида между социальными статусами. Основной характеристикой этой ситуации становится нормативная и ценностная неопределенность, связанная с изменением позиции в социальном пространстве.

Признание временного характера маргинальности. Перемещение между социальными статусами имеет и временной параметр измерения – время, необходимое для адаптации к новому ролевому комплексу, наработки новых социальных связей. Поэтому ситуация неопределенности по определению ограничена, имеет потенциал разрешения через успешную адаптацию. Временной параметр маргинальности требует, на наш взгляд, специального изучения. В качестве гипотезы можно предположить, что одним из «симптомов» маргинальности является субъективное ощущение разрыва непрерывности временной перспективы. Эмпирически такое состояние может фиксироваться как нарушение темпоральных характеристик индивида: утрата перспективы, жизнь «сегодняшним днем», трудности в планировании будущего.

Универсальность связи мобильности и маргинальности. Иными словами, любое перемещение в социальной структуре сопровождается временной маргинальностью. В социологии основное внимание уделяется изучению проблем, связанных с нисходящими перемещениями – потерей работы, бедностью и пр. Маргинальность, сопутствующая восходящей мобильности, – новая тема, требующая специального изучения.

Интересные возможности исследования открывает и вопрос о сравнении характеристик маргинальности в ситуации восходящих и нисходящих перемещений. Можно предположить, что наряду с существованием общих черт, позволяющих определить маргинальность и в том и в другом случае, есть и значительные различия. Определить характер этих различий хотя бы в первом приближении можно опираясь на концепцию Ф. Паркина. Рассуждая о границах между социальными группами, он отмечает, что, кроме качественной определенности социальных различий, созданию этих границ способствуют процессы, которые Ф. Паркин назвал «социальным ограждением»¹¹⁹. Ограждение группы происходит двумя основными способами:

Самозакрытие («исключение») — характерно в основном для групп, находящихся наверху социальной пирамиды. Самозакрытие происходит посредством контроля основных социальных ресурсов и использования символических, культурных ограничений доступа в группу. Поэтому, пережив восходящую мобильность, «новичок» неизбежно сталкивается с сопротивлением группы, новое окружение не сразу принимает его. Если даже принять как аксиому позитивное отношение человека к новому статусу и связанную с этим готовность принять новую идентичность, необходимо учитывать сопротивление группы, которое осложняет адаптацию.

Внешнее закрытие группы. Характерно для групп, находящихся на нижних позициях «социальной лестницы». Возможности перехода в группу более высокого статуса ограничены необходимостью приобретения

¹¹⁷ Качанов Ю.Л. О проблеме реальности в социологии // Социологос постмодернизма. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996.

¹¹⁸ Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1993.

¹¹⁹ Parkin F. Marxism and Class Theory: a Bourgeois Critique. L.: Tavistock, 1979.

для этого определенных социальных и культурных ресурсов, причем набор этих ресурсов устанавливается «сверху» — группой высокого статуса. При этом происходит стереотипизация образа низших групп, в которой присутствуют негативные оценки. Например, бедность может быть связана в общественном мнении с ленью, нежеланием приложить усилия для исправления положения. В то же время нисходящая мобильность в обществе с преобладающей достижительской культурой воспринимается как несчастье, показатель неуспешности жизненного пути. Распространенность подобных стереотипов, на наш взгляд, позволяет предположить, что в случае нисходящей мобильности маргинальность связана с нежеланием человека принимать новую идентичность, новый ролевой комплекс. Следовательно, маргинальность может приобрести длительный, затяжной характер.

Таким образом, при восходящей и нисходящей мобильности общие признаки маргинальности — ценностная и нормативная неопределенность, кризис идентичности, сочетаются со специфичными для каждого из типов чертами. Эти различия зависят, прежде всего, от особенностей социального конструирования высших и низших социальных позиций, и, соответственно, ситуаций восходящей и нисходящей мобильности.

3.1.3. Возможности концепций маргинальности и мобильности для анализа процессов трансформации российского общества

Актуальность концепции маргинальности для понимания процессов, происходящих в социальной структуре российского общества, связана с ее масштабной трансформацией, один из аспектов которой фиксируется как маргинализация¹²⁰. Причины маргинализации прежде всего связаны с усилением процессов мобильности как восходящей, так и нисходящей. Экономические, политические реформы привели к появлению новых социальных групп, изменению численности прежних. Все эти изменения происходят за счет действия механизмов мобильности.

Например, реструктуризация экономики, рост доли сектора услуг и торговли при одновременном сокращении производственного сектора привели к возникновению значительных потоков мобильности. Промышленные рабочие, меняя профессию, переходят в сферу услуг. Для многих этот переход связан с деквалификацией, сменой квалифицированного труда на неквалифицированный, для других, наоборот, это шаг вверх по социальной лестнице, иногда связанный с открытием собственного дела. Однако, в любом случае, такой переход сопровождается сменой ролевых и идентификационных характеристик и может анализироваться с позиций теории маргинальности. Можно предположить, что усиление «проблемности» состояния маргинальности, увеличение времени, требуемого для адаптации, будет зависеть от того, воспринимает ли человек смену статуса как позитивное событие, или как вынужденную меру, единственный способ сохранить привычный уровень жизни в условиях экономического кризиса.

Интересный аспект анализа маргинальности — творческий потенциал этого состояния. Адаптация к новой социальной позиции может быть как пассивной — через приспособление образа жизни к требованиям среды, так и активной, направленной на изменение ситуации, поиск новых моделей поведения¹²¹. Массовое перемещение в группу индивидов из других социальных слоев в сочетании с выбором активных стратегий адаптации способно переопределить ценностно-нормативные характеристики статусной группы. Интересно было бы проанализировать с этой точки зрения процесс смены элит в России. Концепция маргинальности может помочь в объяснении той «революции сверху», которая произошла в России в 80-е. Средние слои номенклатуры, получив при М.С. Горбачеве доступ в элиту, сумели изменить и правила взаимодействия внутри группы и критерии рекрутирования в элиту¹²².

Другой аспект маргинализации в современной России связан с тем, что многие статусные позиции потеряли ролевую и идентификационную определенность. Социологические исследования показывают, что в современной России существует слой людей, которые не могут идентифицировать себя с определенной социальной группой. Это рабочие, работники бюджетной сферы, столкнувшиеся в последние несколько лет с проблемами падения жизненного уровня, нестабильности заработной платы, скрытой безработицы, падением престижа рабочих профессий¹²³. Для этой группы характерно ощущение несоответствия исполняемой работы полученной квалификации, они считают свою работу непрестижной, не видят возможностей профессионального роста и, как следствие, уходят от прежней идентификации, не находя оснований для новой.

И, наконец, с позиций теории маргинальности можно рассмотреть формирование новых групп. Нормативная ролевая и ценностно-нормативная неопределенность в этом случае существует не только на индивидуальном уровне, но и на групповом. Яркий пример такой ситуации — становление группы предпринимателей. Формирование этой группы началось с появлением законодательных оснований для предпринимательской деятельности, что вызвало мощный поток мобильности из разных социальных слоев. Однако в начале развития предпринимательства нормативные и ролевые характеристики этой статусной позиции были практически не определены, в обществе существовали лишь приблизительные представления, основанные на западных филь-

¹²⁰ Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.

¹²¹ Корель Л.В. Социология адаптаций: этюды апологии. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1997.

¹²² Борисов В. Социальная мобильность в Советской России // Социологические исследования. — 1994. №4.

¹²³ Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Казаринова И.В. Маргинальный слой: феномен социальной самоидентификации // Социологические исследования. 1996. № 8.

мах и лубочных образах русских купцов. Поэтому становление новой группы происходило, с одной стороны, на основе этих представлений, а с другой стороны, с привлечением поведенческих образцов тех групп, из которых наиболее активно шло рекрутирование – советская партийная, комсомольская и хозяйственная номенклатура, научно-техническая интеллигенция и «теневики»¹²⁴. Поэтому можно заключить, что в основе формирования ролевых и ценностно-нормативных комплексов группы предпринимателей лежали маргинальные практики.

Все сказанное выше может расцениваться лишь как наиболее общие замечания, первая заявка на возможную тематику исследований на стыке проблем маргинальности и мобильности. В заключение заметим, что соединение концепций маргинальности и мобильности может оказаться полезным именно для понимания российской социальной структуры, которая в течение XX века пережила несколько масштабных преобразований, имеющих скорее революционный, а не эволюционный характер.

3.2. Социальное конструирование маргинальности

3.2.1. Возможности конструктивистского подхода

Выше мы показали, что понятия «маргинальность», «маргинальная ситуация», «маргинальная группа» достаточно многоплановы, включают в себя широкий спектр ситуаций. На наш взгляд, процессы «маргинализации» и «демаргинализации» можно попытаться объяснить с помощью социальной теории, которая делает акцент на динамическом характере социальных процессов, рассматривает живую человеческую субъективность как создателя социального. Такие объяснения предлагает конструктивистская социальная теория, опирающаяся на одно из самых влиятельных философских направлений XX столетия – феноменологию.

Привлекательность этого направления видится нам в традиции картезианского принципа универсального сомнения, критического отношения к человеческому знанию, стремления рассматривать деятельность сознания как конститутивную активность и отказа от установки воспринимать окружающий мир как «реально и несомненно существующий». Потребность рассмотрения маргинальности с точки зрения конструктивизма исходит из обусловленности этого явления, прежде всего, контекстом рассматриваемой ситуации: то, что является «маргинальным» в одном обществе, является «общепринятым» в другом и «девиантным» – в третьем. Кроме того, то или иное состояние человека может быть по-разному воспринято им самим и его окружением и иметь разные последствия для участников взаимодействия. К примеру, индивид или группа могут принимать или не принимать «маргинальный статус», навязываемый им обществом. Поэтому наряду с объективными условиями важно рассмотрение субъективных определений данной социальной ситуации ее участниками.

Таким образом, конституирование маргинальности рассматривается нами как формальная активность сознания, которая задает форму, способ явления предмета в сознании и делает мир, окружающий нас, именно таким, каким мы его видим и переживаем. Причем реальность той или иной конструкции определяется ее *значимостью* для субъектов взаимодействия, способностью удовлетворить их практическим потребностям (с этой точки зрения даже мифы как народное творчество либо как продукт официальной пропаганды также представляются вполне адекватными, поскольку предлагают адекватное определение реальности).

Используя перспективу конструктивистского подхода, мы можем рассмотреть маргинальность в следующих ее ракурсах:

- социальное конструирование маргинальности как процесс формирования объективной реальности из знания о функциональной норме и отклонении;
- описание и объяснение структур сознания, участвующих в возникновении и существовании «маргинального»;
- описать процесс конструирования маргинальности через интенционально-конститутивную триаду (субъект, объект и акт конституирования);
- маргинальность как социальное определение, ярлык, приклеивающийся конкретной социальной системой;
- маргинальность как динамичная конструкция, природа которой двойственна. Она является и следствием, и фактором социальной трансформации;
- маргинальность как смысловая структура, критерием реальности которой становится значимость тех или иных конструкторов;
- артикуляция маргинального состояния как необходимый элемент существования маргинала как «реальности».

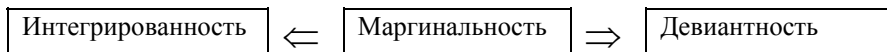
3.2.2. Угроза стабильности и появление «маргиналов»

Отправной точкой нашего рассуждения является стабильность социума как условие и цель его существования. Обеспечивают эту стабильность, прежде всего, механизмы социального контроля, предписывающие: а) правила игры для членов социума; б) сами характеристики его участников, то, какими они должны быть и

¹²⁴ Куколев И. Формирование бизнес-элиты // ОНС. 1996. №2.

какие роли исполнять. Контроль предусматривает санкции за нарушение этих правил и исключение (отбраковку) тех, кто своим «неадекватным» поведением и «нетипичными» характеристиками угрожает стабильности социума.

Особую значимость этому процессу придает «внутренняя нестабильность человеческого существования», которая «вынуждает его к тому, чтобы человек сам обеспечивал стабильное окружение для своего поведения»¹²⁵. Необходимость защиты социума от «внешних нападений» диктует выработку консенсуса внутри него, достижения определенного уровня единообразия. Одной из угроз стабильности внутри самого социума являются всевозможные «отклонения» – несоответствие общим стандартам либо «отклоняющееся» определение реальности. Маргинальность как «угроза», «отклонение», «нетипичность» перекликается с понятием «девиантности». Эту взаимосвязь мы представляем следующим образом:

«Промежуточное» положение маргинальности между интегрированностью в социум и девиантностью позволяет ее характеризовать как «потенциальную угрозу» стабильности, которая не носит прямой антисоциальной направленности, но угрожает, скорее, косвенно. Маргинальное пробивает бреши в определениях реальности, принятых в данном социуме; не соответствует накопленному предыдущему опыту; не вписывается в привычные типологии; выпадает из «мейнстрима» (*mainstream*), а значит, частично ускользает из-под социального контроля.

Примером такого промежуточного положения между интегрированностью и девиацией является андеркласс (*underclass*) на Западе. Его маргинальность обусловлена, во-первых, «выпадением» из общепринятых социальных иерархий (что отражено в самом названии этой социальной группы), и, во-вторых, поведенческое несоответствие ценностям доминирующей культуры при том, что на вербальном уровне декларируется приверженность им¹²⁶.

3.2.3. Основания маргинализации

1. Маргинальность как нетипичность. Всякая человеческая деятельность подвергается хабиитуализации (опривычиванию), которая способствует уменьшению различных выборов человека, избавляет его от необходимости определять каждую ситуацию заново¹²⁷. Таким образом, человеческая деятельность до известной степени автоматизируется, часто повторяющиеся действия становятся образцами.

Наиболее важная часть хабиитуализации человеческой деятельности сопряжена с процессом институционализации. Она имеет место везде, где осуществляется взаимная *типизация* опривыченных действий. Институциональному миру требуется легитимация как «защитное покрывало когнитивной и нормативной интерпретаций»¹²⁸. Появление института – это обязательно разработка специальных механизмов социального контроля. «Социальные институты осуществляют типизацию людей, отношений, объектов, чтобы контролировать и гарантировать устойчивость властных отношений»¹²⁹. Отклонение от институционально «запрограммированного» образа действий вызывает реакцию либо «терапии», либо «исключения» чужака из социума.

Для понимания маргинальности нам особенно важно то, что типизация относится не только к действиям, но и к деятелям в рамках институтов. «Институт исходит из того, что действия типа X должны совершаться деятелями типа X»¹³⁰.

На этом основан феномен «белой вороны» в любой общности. Это перекликается с концепцией «принятия девиантной идентичности» Э. Хьюз. «Большинство статусов имеют одну ведущую черту, которая служит для различения тех, кто принадлежит этому статусу, и тех, кто не принадлежит»¹³¹. Таковой, к примеру, является сертификат врача. Кроме того, от того или иного статуса обычно неформально ожидается ряд «вспомогательных» черт, таких как принадлежность к классу, вероисповеданию, расе и полу. Вероятно предположить, что индивид, не обладающий какими-то из вспомогательных черт, окажется «маргиналом», не соответствующим общим ожиданиям. Опять же, в отличие от девиантных характеристик, которые могут привести к официальному лишению статуса врача (нарушение этики, совершение преступления), в обозначенной культуре «маргинальными» будут врачи – женщины или афроамериканцы. Они будут «маргиналами» до тех пор, пока не произойдет переопределения ситуации, в результате которого будет расширен или видоизменен список вспомогательных черт того или иного статуса.

¹²⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 89.

¹²⁶ Подробнее см.: Auletta, K. 1982. *The Underclass*. N.Y.: Random House; Smith, D.J. (ed.), 1992., *Understanding the Underclass*. London: Policy Studies Institute; Morris, L. 1994. *Dangerous Classes: The Underclass and Social Citizenship*. London & N.Y.: Routledge.

¹²⁷ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 90.

¹²⁸ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 103-104.

¹²⁹ Ярская-Смирнова Е.Р. Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 38.

¹³⁰ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 92.

¹³¹ Беккер Г. Аутсайдеры / Контексты современности –2. Хрестоматия. Казань, 1998. С. 64.

Другим примером несоответствия группе ее вспомогательным характеристикам является маргинальный статус «новых бедных ученых» в современной России. При наличии формально-квалификационных признаков (высшее образование, занятость в научных центрах, публикации) эта группа потеряла такие важные вспомогательные черты, характерные для нее ранее, как доход и престиж. Не перестав быть учеными, эта группа оказалась маргинальной.

Маргинальность как нетипичность рассматривается в социологии инвалидности¹³². В этом случае нетипичными оказываются либо внешность, либо поведение человека, не вписывающиеся в заданные стандарты. При том, что люди с нетипичной внешностью и поведением, опять же, не представляют угрозы для социума, доминирующая культура стремится оградить себя от Иного, непонятого. Как известно, «уродству» и «юридичности» разные культуры приписывали магический смысл, где нетипичность являлась либо «черной меткой», либо «богоизбранностью». Сегодня средства массовой информации транслируют позиции здорового большинства, которые не оставляют легитимной ниши людям с ограниченными возможностями, продуцируют их социальное исключение, придавая этим людям в лучшем случае бенефициарный статус. Предубеждения и негативные стереотипы основываются на традиции ограждения «приличных», «нормальных» людей от контактов с нетипичностью.

Типизирование ситуации в большинстве случаев биографически детерминировано, зависит от наличного запаса знаний, определенным образом систематизированного накопленного опыта¹³³. Если в нашем арсенале достаточно знаний для определения ситуации, мы определяем ее «естественным порядком», как несомненно данную. Сложность опять-таки возникает в маргинальной, нестандартной, ситуации, которую мы не можем определить «автоматически» и исход которой нам неизвестен и потому потенциально опасен. «Маргинальным» определяется то, чего недостает в предыдущем опыте общества. Это относится как к индивидам и группам, которых мы, исходя из наличного запаса знаний, не можем типизировать, так и к ситуациям, для поведения в которых недостает предыдущего опыта. Это происходит, когда человек сталкивается с нетипичной формой типичных явлений либо вообще с принципиально новой ситуацией. В первом случае биографический опыт еще может помочь, предоставив типичные способы реакции на «типичные аномалии», в то время как во втором он бесполезен, а иногда – вреден. Именно эта особенность социально-экономической ситуации в современной России дает основания для утверждений о «всеобщей маргинализации» в стране, поскольку в ней больше «не работают» прежние, исторически сложившиеся определения и модели поведения, «опыт отцов».

Итак, в рассматриваемом контексте маргинальность – это то, что не поддается определению, типизации. Она характеризует явления или группы (индивидов), для которых не предусмотрено места в существующих институтах. В отличие от девиации, они еще не представляют прямой угрозы обществу, но представляются непредсказуемыми и потому являются фактором беспокойства. Поэтому общество стремится либо возвратить эти группы «в нормальное состояние», либо изолировать их.

3.2.4. Маргинальность как иное определение реальности

Рассмотренная выше маргинальность как нетипичность обращает внимание прежде всего на эксплицитные характеристики индивидов, групп, социальных явлений. Но это не объясняет маргинальности инакомыслия, приверженности установкам и ценностям, отличным от «официальных».

Поскольку в конструктивистской интерпретации социальная реальность — это непрерывный процесс социальных определений и переопределений, общность защищает «свою» реальность от угроз ее уничтожения извне, прежде всего, от угроз иных интерпретаций, иных «планов». Миру повседневной жизни постоянно угрожают конкурирующие определения реальности, которые невозможно целиком «взять в скобки», не замечать. Беспокойство социума по поводу этих маргинальных определений тем выше, чем более закрытым он является, чем более он дрейфует в сторону единообразия, чем меньшую степень свобод он предоставляет своим участникам.

В этом плане особенно показательна маргинальность образованного меньшинства – интеллектуалов, которые сами обладают большой способностью создавать и предлагать обществу смыслы и определения, занимая ведущие позиции в «культурообразующих» сферах – науке, образовании, литературе, СМИ.

Интеллектуала «мы можем определить как эксперта, экспертиза которого не является желательной для общества в целом. Это предполагает переопределение знания vis a vis к «официальному» учению, то есть это нечто большее, чем просто отклонение в интерпретации последнего. Поэтому интеллектуал по определению является маргинальным типом. Был ли он сначала маргиналом, чтобы затем сделаться интеллектуалом <...>, либо его маргинальность была прямым следствием интеллектуальных aberrаций <...> — нас сейчас не интересует. В любом случае его социальная маргинальность выражает отсутствующую теоретическую ин-

¹³² См., например: *Ярская-Смирнова Е.Р.* Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997; Она же. Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования, 1999. № 4; *Наберушкина Э.К.* Гендерная стратификация инвалидности / Социокультурный анализ гендерных отношений. Саратов, 1998; *Шапкина Н.В.* Социологический анализ реабилитации детей с ограниченными возможностями. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. социол. наук. Саратов, 1996.

¹³³ *Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 130.

теграцию в универсум его общества. Он оказывается контр-экспертом в деле определения реальности¹³⁴» (курсив наш – Е.Б.).

Это объясняет, с одной стороны, стремление власти иметь лояльную интеллигенцию (или, по выражению Э. Ноэль-Нойман, «иметь разговорчивые группы на своей стороне»), с другой – маргинальность диссидентов, символическая изоляция инакомыслящих в советской культуре, которая оставляла им лишь две возможности – молчаливое несогласие или эмиграцию.

3.2.5. Субъекты конструирования маргинальности

Процесс маргинализации идет по двум векторам: 1 – «определение» выносится обществом в отношении других индивидов и групп, являющихся нетипичными либо предлагающими иные интерпретации реальности; 2 – «самоопределение» индивидов и групп как маргиналов.

1. Маргинальность извне: приписывается обществом. Данные процессы описываются через термины «маркирование нетипичности», «навешивание ярлыков». Общество *приписывает* индивиду, группе, явлению статус «маргинальных», что означает возведение барьеров для интеграции чужаков в социум.

Мысль, что отклонение *создается обществом*, достаточно распространена в современной социологической традиции. «Социальные группы создают отклонение, создавая правила, нарушение которых составляет отклонение, применяя эти правила к отдельным индивидам и наклеивая на них ярлык аутсайдеров¹³⁵».

Клеймение индивида имеет важные следствия в отношении дальнейшего социального участия и самоимиджа этого индивида. Так, «социальное исключение»¹³⁶ как процесс нарушения прав, ограничение доступа к жизненно важным ресурсам имеет в своей основе представление, что данные индивиды и группы «не такие, как все», а следовательно, не могут пользоваться всей полнотой прав, их статус должен быть особо оговорен.

Для осуществления процесса маргинализации необходим субъект, который ставит «диагноз» в отношении индивидов и групп, выносит свое «определение» относительно их нетипичности или несоответствия норме. Обычно этими субъектами становятся агенты социальных норм: журналисты, идеологи, ученые, врачи, учителя. Следующий шаг – «определение» становится достоянием общественного мнения. Далее следует отказ «маргиналам» в социальной интеграции. Отметим, что это «мягкий» отказ: в отношении маргинальных групп редко применяются силовые решения, такие как физическое уничтожение, тюремное заключение или принудительное лечение. Субъект конструирования *не заинтересован в полном исключении* группы из социально-экономических, политических и социокультурных связей. Изменения касаются положения и роли этих групп¹³⁷. В частности, приписывание маргинального статуса дает субъекту конструирования возможность требовать исполнения роли при резком снижении социального статуса «маргинала», «издержек» со стороны агента социальной нормы. Примером этому может быть ситуация во многих республиках СНГ, где русские, продолжая работать в качестве специалистов в промышленности, получают ярлык «маргиналов» как «инородцы», что является основанием для нарушения их социально-экономических и гражданских прав.

Таким образом, главный результат конструирования маргинальности «извне» – это искусственно создаваемые барьеры для социальной интеграции, выпадение из «мейнстрима», «забывание», концептуальное «незамечание» маргинальных групп.

2. Маргинальность изнутри: самоидентификация. Этот процесс может идти как самостоятельный; идти параллельно приписыванию маргинального статуса извне; быть следствием получения ярлыка маргинала.

Маргинальная самоидентификация основывается на ранее выделенных критериях – чувстве собственного несоответствия «норме» и продуцировании иных определений реальности. Типичными реакциями на навязывание маргинального статуса являются – в одних случаях – интернализация «маргинального» статуса, когда «диагноз» становится для человека субъективно реальным. Тогда возникает чувство вины, принятие «терапевтических» мер, направленных на интеграцию в социум, и «возврат к нормальности» приносит немалое субъективное удовлетворение. Другой тип реакции на «клеймение» — отрицание диагноза, декларирование своей «особости» либо стремление к переопределению ситуации.

Возвращаясь к упоминанию о «всеобщей маргинальности» российского общества, предложим еще одно объяснение этой «всеобщности» в разрезе самоидентификации. Подвижка целых социальных пластов, радикальные изменения, которые наблюдают и интерпретируют люди, привела к «провисанию» прежних критериев самоидентификации и отнесения себя к тому или иному социальному слою. Многократно описанное явление статусной рассогласованности российского общества приводит к тому, что люди затрудняются найти свое место в социальной иерархии, не зная, какую стратификационную ось принять за основу. Добавим к этому и значимость языка, понятийных конструкций в процессе легитимации новых социальных институтов. Отсутствие

¹³⁴ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 205.

¹³⁵ Беккер Г. Аутсайдеры / Контексты современности –2. Хрестоматия. Казань, 1998. С. 61.

¹³⁶ См. об этом: Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997. С. 124-125; Голенкова З.Т. Динамика социоструктурной трансформации в России // Социологические исследования, 1998. № 10. С. 83-84; Ярошенко С.С. Практика социального исключения в постсоветской России / Социальная стратификация: история и современность. Тез. всерос. конф. Сыктывкар, 1996. С. 97.

¹³⁷ Попова И.П. Новые маргинальные группы в российском обществе // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 66.

формальных определений для новых социальных явлений, например, новых форм занятости в российской экономике, становится основой для маргинальной самоидентификации. Так, работающие в теневом секторе затруднились, к какой группе себя отнести – «занятых» или «безработных»¹³⁸. В настоящий момент не существует строгой формулировки, обозначающей ситуацию невыплаты зарплат на российских предприятиях. Как известно, «занятость» неразрывна с понятием «оплачиваемая», а «безработица» – с отсутствием каких-либо контрактных отношений с работодателем. Так формируется еще одна маргинальная идентичность – «работников без зарплаты».

Отсутствие готовых понятий как фактор маргинальной самоидентификации также актуален для определения социального статуса женщин¹³⁹. Показательным в этом отношении явился ответ на вопрос о своем статусе домохозяйки — жены «нового русского»: «У меня вообще нет никакого статуса. Может быть, я бомж, может быть, я нищая, понимаете? Вообще никакого. Но поскольку у меня есть крыша над головой, я в общем-то, не бомж. Но к иерархии какой-то я тоже себя относить не могу, поскольку там не возвращаюсь. Поэтому у меня вообще статуса нет. Никакого»¹⁴⁰.

Как в случае маргинальности-нетипичности, так и маргинальности — иного определения реальности, маргиналу необходимо «подобщество», где бы он являлся «типичным» и где было бы принято «его» определений реальности. Подобщество служит маргиналу эмоциональным прибежищем и социальным базисом его определений реальности. Функцию таких подобществ выполняют этнические и религиозные общины, общественные организации, неформальные объединения членов той или иной субкультуры. Для подобщества важно не только «собрание» людей со сходными признаками и определениями, но и разработка процедур защиты «своей» реальности от угроз ее уничтожения извне. Так, в случае с религиозными сектами важнейшим элементом такой защиты становится самоизоляция – ограничение контактов с «аутсайдерами» (= всеми остальными). Таким образом, ярлык маргинала можно снять, изменив социальное окружение, что демонстрирует, к примеру, вынужденная миграция из стран СНГ.

Нетрудно заметить, что контр-дефиниции и контр-идентичности служат толчком для процесса изменений, усложняя как саму структуру общества, так и структуру распределения знаний в нем. Образование маргинальных подобществ способствует мобилизации ранее исключенных групп. Со стремлением к переопределению ситуации можно увязать различные правозащитные движения: к примеру, сегодняшняя концепция независимой жизни в отношении пожилых людей и инвалидов «рассматривает человека в свете его гражданских прав, а не с точки зрения его личностных и социальных трудностей»¹⁴¹. «Равные права», а не «статус льготника» – на наш взгляд, это одна из формул процесса демаргинализации.

Однако, поскольку все связанное с маргинальностью относится к неопределенности, неопределенными являются и возможные сценарии действий этих групп. В своем стремлении изолироваться от тех, кто предлагает иные определения реальности, либо переопределить реальность на уровне «основного» общества, маргинальные группы способны дрейфовать к двум полюсам:

Девияция. Это связано с накоплением «отрицательной энергии», которая либо оказывается деструктивной для самих членов подобщества, либо выплескивается в «большое общество» в виде насилия, неуправляемых действий. Примерами этого являются в первом случае так называемые деструктивные религиозные культы, во втором – различные организации нацистского толка.

Интеграция. Ранее маргинальная, группа постепенно завоевывает сильные социальные позиции, ее точка зрения, ее определение реальности постепенно становятся общепринятыми. Маргиналы этого типа являются первопроходцами, реформаторами, проводниками новых социальных норм, направлений в искусстве; новые веяния моды также всегда проходят этап маргинальности, прежде чем стать достоянием большинства. Здесь важен механизм формирования общественного мнения, и агентами его изменения, по мнению Э. Нозль-Нойман, являются те, кто не боится изоляции, способны на фоне «спирали молчания» высказать мнение, противоположное официальному (общепринятому). Это люди особого типа, для которых «возмущение общественности лучше, чем отсутствие внимания»¹⁴².

3.2.6. Реакция общества на наличие маргиналов: терапия и исключение

Маргинальный статус (навязанный или приобретенный) сам по себе не означает ситуации социального исключения или изоляции. Он *легитимирует* эти процедуры, являясь основанием для применения «концептуальной машинерии поддержания универсума» — терапии и исключения.

¹³⁸ По данным исследования «Совладающее поведение в современной России» (при финансовой поддержке «Института Открытое Общество», ноябрь-декабрь 1998 г.). Рук. В.В. Радаев.

¹³⁹ Подробнее об этом см.: Катаева С.В. Положение женщин в стратификационной структуре современного российского общества. Дисс. на соиск. уч. степ. к.соц.н. Самара, 1999.

¹⁴⁰ Использованы материалы исследования «Социально-экономическая зависимость женщин» (при финансовой поддержке Московского общественного научного фонда), грант № 096-социология-98. Исполнитель Е.С. Балабанова.

¹⁴¹ Шапиро Б.Ю. Общее и особенное в социальной работе в России / Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М.: МВШСЭН, Интерцентр. 1997. С.260.

¹⁴² Нозль-Нойман Э. Общественное мнение: Открытие спирали молчания. М., 1996. С. 199-200.

Терапия включает применение концептуальных механизмов, чтобы актуальные и потенциальные девианты пребывали в рамках институционализированного определения реальности. Они достаточно разнообразны — от пасторского попечения до программ личностной консультации¹⁴³. Терапия включается, когда маргинальное определение реальности имеет психологически подрывной характер для остальных членов социума; так, целью контрпропаганды является недопущение «брожения умов» под влиянием «чужих» СМИ либо харизматических личностей в своем социуме.

Исключение чужаков – носителей иных определений ведется по двум направлениям. 1) Ограничение контактов с «аутсайдерами»; 2) Негативная легитимация. Второе представляется нам наиболее тесно соотносящимся с маргинальным статусом индивидов и групп.

Негативная легитимация означает принижение статуса и возможности влияния маргиналов на общность. Она осуществляется путем «аннигиляции» – концептуальной ликвидации всего, что находится за пределами универсума. «Аннигиляция отрицает реальность любого феномена и его интерпретации, которые не подходят этому универсуму»¹⁴⁴. Она осуществляется либо путем приписывания низшего онтологического статуса всем определениям, существующим за пределами символического универсума, либо попыткой объяснения всех отклоняющихся определений на основе понятий собственного универсума.

Еще раз обратим внимание на разную реакцию общества на девиантность и маргинальность. К маргиналу, скорее всего, будет применена *символическая изоляция*, в то время как для девианта – изоляция в виде физического уничтожения, лишения свободы либо «терапия» в виде принудительного лечения. *Процессы маргинализации имеют целью блокировать индивида, «запереть» его в ограниченном социальном пространстве, изолировать, перекрыть каналы влияния на остальных членов социума.*

3.3. Маргинальная ситуация и совладающее поведение

Маргинальная ситуация как состояние перехода, смены социальной позиции и обстоятельств жизнедеятельности порождает феномен жизненной трудности, т.е. препятствий, преодоление которых требует значительных затрат личных ресурсов и напряжения. Использование в этом контексте понятий стресса, фрустрации, депривации и т.п. является совершенно оправданным. Не случайно сейчас можно прочитать о социальном и культурном шоке, социальной изоляции, материальной депривации, психотравмирующих переживаниях и других подобных явлениях, характеризующих жизнь наших сограждан. Естественным является вопрос: каким образом люди ведут себя в ситуации неопределенности и противоречивости социального статуса, как они реагируют на стрессы и фрустрации?

Безусловно, в число этих реакций следует отнести обширную группу *защитных механизмов*, перечень которых варьирует у разных авторов. Первоначально понятие защитного механизма использовалось в контексте клинической психологии, как аспект невротизации личности¹⁴⁵. В настоящее время практика его применения значительно шире и, как нередко бывает, расширительное толкование приводит к размыванию логических границ термина, потере его специфики. Учитывая генезис понятия, в качестве критерия защитного поведения можно было бы взять компенсаторный (иллюзорный) характер решения жизненной проблемы: уход в фантазии вместо реальных действий, отрицание или вытеснение вместо поиска и исправления ошибок, обесценивание интересов вместо их отстаивания и т.д. Хотя действие защитных механизмов способно избавить человека от болезненных мыслей и чувств в конкретной ситуации или ситуациях, их систематическое использование в реальных социальных отношениях приводит к дезадаптивным эффектам¹⁴⁶. По-видимому, феномены застойной безработицы и застойной бедности в ряде случаев следует объяснять действием таких механизмов.

Другим объяснением, за которым стоит еще одна форма реагирования на маргинальную ситуацию, является *выученная беспомощность*. Согласно М.Зелигману (фамилию данного автора обычно переводят как Селигман) она связана с реакцией отказа, выхода из игры, если человек убеждается в бесполезности своих усилий, которые ни к чему не приводят и ничего не изменяют. В действии рассматриваемого механизма большую роль играет так называемый стиль объяснения, который выступает в качестве модулятора по отношению к выученной беспомощности. То, как человек объясняет себе рядовые неприятности или серьезные поражения, определяет, сколь беспомощным или энергичным он будет¹⁴⁷. Оптимистическое объяснение останавливает беспомощность, а пессимистическое усугубляет. Человек может объяснять неудачи как конкретные или универсальные, временные или постоянные, зависящие от обстоятельств или от него лично. Исследования показывают, что стиль объяснения влияет на психическое здоровье, уровень успехов в профессиональной деятельности, при этом он не является раз и навсегда заданным.

¹⁴³ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 184.

¹⁴⁴ Там же. С. 187.

¹⁴⁵ См.: Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. М.: Педагогика, 1993.

¹⁴⁶ По мнению некоторых авторов, одни защитные механизмы в большей степени редуцируют тревогу, другие — в меньшей, кроме того, они могут быть целесообразными, но в *относительно стабильной* (выделено мной — А.Д.) среде. См.: Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988.

¹⁴⁷ Зелигман М. Э.П. Как научиться оптимизму. М.: Вече, 1997.

В воззрениях М. Зелигмана есть ряд принципиально важных моментов для интерпретации поведения в маргинальной ситуации, которое может зависеть, во-первых, от характера обратных связей, получаемых индивидом, во-вторых, от внутренней проработки этих сигналов самим индивидом, в-третьих, от его предрасположенности к той или иной проработке, сформировавшейся, например, в прошлом опыте (эффект «иммунизации»).

Пессимистический стиль объяснения, провоцирующий беспомощность, находится в одном ряду с такими факторами дезадаптивного поведения, как иррациональные убеждения и мысли, искажающие реальность. Сюда относятся склонность мыслить крайностями (все или плохо, или прекрасно), выборочное абстрагирование (интерпретация ситуации без учета контекста)¹⁴⁸.

Выученной беспомощности могут быть противопоставлены несколько феноменов, дополняющих оппозицию «пессимизм — оптимизм» как во внутреннем, так и поведенческом плане. Это, в частности, *самоэффективность*, в концепции которой важным является различие между убежденностью в результативности некоторых действий и верой в свою способность совершить эти действия. Согласно А. Бандуре ожидание собственной эффективности влияет на характер поведения в конкретной стрессовой ситуации: будет ли человек преодолевать ее или избегать, как долго будет преодолевать и т.д.¹⁴⁹.

Понятие самоэффективности демонстрирует роль самосознания в реагировании на маргинальную ситуацию. По мнению многих авторов, преодоление ненормативных кризисов, обусловленных динамикой общественной жизни, определяется особым сплавом индивидуального опыта, мотивации, отношения к себе и другим.

Помимо веры в себя важной предпосылкой, регулятором и следствием поведения человека в трудной ситуации является *надежда*, т.е. позитивное отношение к жизни и будущему, которое не исчерпывается простым оптимизмом, насыщено драматическими переживаниями о возможном и достижимом. Надежда приближает будущее, возвращает человеку чувство контроля над обстоятельствами, смягчает тяжесть испытаний, позволяет воспринимать критические ситуации как вызов, а не как угрозу, расширяет границы возможного¹⁵⁰.

Другим противопоставлением выученной беспомощности и защитному поведению является *поисковая активность*. Это — действия, направленные на изменение ситуации, когда отсутствует определенный прогноз ее исхода и субъект не может быть уверенным в результатах своего поведения; тем не менее он ищет выход из тупика¹⁵¹. Авторы концепции поисковой активности связывают ее с основами творческой деятельности, "конструктивной агрессивностью", потребностью в самостимуляции. Рассматриваемое понятие хорошо вписывается в модели миграционного поведения. Например, ориентацию на поиск новых сведений о возможностях существования, готовность к перемене социальных групп, занятий, пространственной локализации называют психосоциальной мобильностью, обретение которой становилось необходимым средством адаптации при переселении сельских мигрантов в крупные индустриальные центры США¹⁵². Существуют исследования, демонстрирующие роль установки на поисковую активность при адаптации эмигрантов к новой социокультурной среде и поддержании у них психологической устойчивости¹⁵³.

Перечень форм реагирования на маргинальную ситуацию является открытым, но для нас важно указать на существование двух возможных полюсов: к одному тяготенут формы, не приводящие к позитивным социальным и личностным эффектам, к другому тяготенут формы противоположной направленности. Последние представляют особый интерес, в связи с чем имеет смысл обратиться к проблематике *совладающего поведения* (*coping behaviour*), включающей широкий спектр вопросов по преодолению трудностей и кризисов, в том числе затронутых в предыдущих абзацах.

Данная предметная область сравнительно недавно стала перемещаться из периферийных в центральные области социальных и поведенческих наук. Сейчас совладание стало популярным термином и его применяют при описании процессов преодоления трудностей в области здоровья и семейной жизни, в учебной и профессиональной деятельности, борьбе с зависимостями, консультационном взаимодействии и т.д.

В изучении совладания можно отметить несколько важных моментов.

Оформившись в рамках адаптационного подхода, *coping* сначала соотносилось с экстремальными ситуациями, когда обычного приспособления оказывалось недостаточно и требовались дополнительные энергетические траты со стороны субъекта. Затем *coping* распространилось на описание поведения в поворотные жизненные моменты, т.е. в связи со значимыми жизненными событиями. Наконец, данное понятие стало использоваться при описании поведения в повседневной действительности (например, в условиях хронических неприятностей)¹⁵⁴. С позиций сегодняшнего дня такая эволюция может трактоваться как открытие особого среза жиз-

¹⁴⁸ См.: Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского. СПб.: Изд-во «Питер», 2000.

¹⁴⁹ Bandura A. Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change// Psychological Review. 1977. V. 84.

¹⁵⁰ Муздыбаев К. Феноменология надежды (статья первая)// Психол. журн. 1999. Т.20. №3.

¹⁵¹ Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Поисковая активность и адаптация. М.: Наука, 1984.

¹⁵² США глазами американских социологов. Социальные аспекты американского образа жизни. Кн.1. М.: Наука, 1982.

¹⁵³ Десятникова Ю.М. Психологическое состояние старшеклассников при изменении социального окружения// Вопр. психол. 1995. N5.

¹⁵⁴ См.: Lazarus R.S. Psychological Stress and the Coping Process. N.Y.: McGraw-Hill, 1966; Moos R.H. (Ed.) Coping with life crises: An integrated approach. N.Y.: Plenum, 1986; Нартова-Бочавер С.К. «Coping behaviour» в системе понятий психологии личности// Психол. журн. 1997. Т.18. №5.

недеятельности любого человека, и этот срез становится полноценным объектом научного интереса. Одновременно совладание перемещается в плоскость предметов, интересующих психологию и социологию повседневности. Неприятные и приятные события, случающиеся в жизни конкретного человека, по-видимому, выстраиваются в определенной логике, обусловленной его действиями. Они не только аккумулируют психологические, но и подготавливают социальные эффекты. Интересно обратить внимание на растущую популярность в России разнообразных психологических техник, являющихся частью эзотерических учений. Люди надеются с помощью специфических приемов внутренней концентрации, расслабления, осмысления событий повысить свою способность противостоять трудностям. Издаются соответствующая литература, создаются общества и учебные центры, готовятся тренеры, выстраиваются научные приоритеты. Происходит то, что можно было бы назвать артикуляцией, реконфигурацией и переносом в другие сферы определенных практик¹⁵⁵, или способов поведения в кризисных условиях жизни.

Бросается в глаза мозаичность общей панорамы исследований совладания. Авторы, вводящие данное понятие в концептуальный строй отечественной науки, отмечают, что существует множество эмпирических исследований разных аспектов совладания, но при этом чувствуется дефицит обобщающих и непротиворечивых теоретических построений¹⁵⁶. С одной стороны, это может объясняться выраженной "прикладной" природой рассматриваемого феномена. С другой стороны, имеет смысл поставить вопрос об особом логическом статусе стоящего за ним понятия, которое способно обнаружить себя в разных теоретических подходах и традициях, являясь, тем самым, своеобразным теоретическим медиатором. В этом смысле отсутствие какой-то общепринятой концепции совладания является не столько недостатком, сколько отражением реальной сложности поведения человека в трудных жизненных ситуациях.

Подтверждением данной мысли является постепенный переход к контекстуальным моделям, в которых большое значение придается текущим конфигурациям обстоятельств во взаимосвязи с человеком и их влиянию на совладающее поведение. Выделяются два возможных направления в анализе контекстуальных аспектов совладания¹⁵⁷: 1) через генерируемые многими стрессовыми событиями общие «задачи»: определение значения ситуации лично для себя; противостояние требованиям ситуации; поддержание отношений с членами семьи, друзьями, а также другими лицами, которые могут быть полезными в преодолении кризиса; сохранение эмоционального равновесия, управление расстроенными чувствами; сохранение и поддержание чувства компетентности и мастерства); 2) через личные цели, мотивы, обязательства, которые формируют когнитивную оценку событий, выбор конкретных форм совладания и через которые ситуативное совладающее поведение включается в более широкие фрагменты жизненного цикла. Вполне возможно, что анализ целевых структур совладания расширит наши представления о механизмах конструирования индивидуальных жизненных траекторий.

Даже если авторы не ставят перед собой специальную задачу выделить данные аспекты, они присутствуют в представляемых ими материалах. Одни способы преодоления трудной ситуации в большей степени связаны с типичностью обстоятельств, как бы диктуются ими, другие способы в большей степени имеют индивидуально-личностную окраску, задаются отношением человека к ситуации. Например, выделяемые М.Раттером механизмы стрессоустойчивости можно было бы разделить на две группы: с одной стороны, это уменьшение поведенческой вовлеченности человека в стрессовые ситуации, разрыв негативных цепных реакций во взаимодействии со средой (агрессия порождает негативное отношение, которое, в свою очередь, порождает агрессию), поддержание самооценки и личной эффективности; с другой стороны, это открытие позитивных перспектив (профессиональных, образовательных, семейных) и соответствующее планирование, позитивное осмысление негативного опыта, фокусирование на позитивных моментах отрицательных событий¹⁵⁸.

Понимание того, что индивидуальное поведение является так называемой «погруженной системой» (в терминологии Ильи Пригожина), придает контекстуальному подходу статус устойчивой и долгосрочной исследовательской перспективы.

Определения совладания нередко грешат чрезмерной размытостью, не позволяющей отделить содержание рассматриваемого понятия от уже известных. Преодоление этого недостатка идет по нескольким направлениям. К совладанию, например, относят механизмы «эмоциональной и рациональной регуляции человеком своего поведения с целью оптимального взаимодействия с жизненными обстоятельствами или их преобразования в соответствии со своими намерениями»¹⁵⁹. Авторы только что приведенного определения специально подчеркивают *конструктивный* характер совладания, т.е. направленность на реальное, а не компенсаторное разрешение проблемы.

¹⁵⁵ См.: Волков В.В. О концепциях практик в социальных науках// Социологические чтения. М., 1997. Вып.2.

¹⁵⁶ Либина А., Либин А. Стили реагирования на стресс: психологическая защита или совладание со сложными обстоятельствами?// Стиль человека: психологический анализ. М.: Смысл, 1998; Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ//Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.1. №2.; Нартова-Бочавер С.К. Указ. соч.

¹⁵⁷ См.: Moos R.H., Schaeffer J.A. Life transitions and crises: A conceptual overview// Moos R.H. (Ed.) Coping with life crises. N.Y.: Plenum, 1986; Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. N.Y.: Springer, 1984.

¹⁵⁸ Rutter M. Psychosocial adversity: risk, resilience and recovery// Conflict and development in adolescence/ L.Verhofstadt-Deneve et al., eds. Leiden University, DSWO Press, 1996.

¹⁵⁹ Либина А., Либин А. Указ. соч. С. 191.

Важно обратить внимание на *ситуативность* совладания, поскольку оно — лишь один из модулов поведения в трудной жизненной ситуации (наряду с защитным поведением, хаотическим поиском, амотивированностью и др.). Ситуативность проявляется в том, что совладание может приходиться на смену другим модулям или сменяться ими. У одних людей это происходит в достаточно короткий промежуток времени, у других процесс растянут на годы. В одном из исследований мы встретились с женщиной, которая после добровольно-вынужденного увольнения 9 лет нигде не работала. Сначала она "ушла" в семью, затем время от времени предпринимала робкие и вялые попытки трудоустроиться, в успех которых сама не верила и делала скорее «для очистки совести», пока, наконец, не сделала решительный шаг, соединив в одно целое собственное желание, поддержку мужа, помощь приятельницы.

Гипотетически движение в обратном направлении (например, от совладания к защите) может быть обусловлено истощением энергетических ресурсов человека, неадекватностью выбранной формы поведения и накоплением ошибок.

Еще один аспект ситуативности связан с ролью контекста, который позволяет переопределять поведение из одного модуля в другой в зависимости от его эффекта и значения для человека. Например, уход в фантазии и мечты в трудной ситуации может трактоваться как форма психологической защиты. Но, с другой стороны, есть ситуации, в которых именно фантазия является наиболее конструктивным способом реагирования на трудность, она дарит надежду и силу. В знаменитых "Корнях неба" Ромена Гари описывается ситуация, когда узники концлагеря ввели в свою жизнь фантом — даму, которая «поселилась» в их бараке и заставила своим воображаемым присутствием сохранять человеческое достоинство. Она была недоступна эсэсовцам, поскольку существовала в сознании узников, зависела от их воли и больше ни от кого¹⁶⁰. Воображение победило физическое насилие.

По-видимому, конструктивность и компенсаторность являются не взаимоисключающими, а пересекающимися понятиями. Их отношения опосредованы контекстом и возможностями субъекта. Конструктивно то, что позволяет реально решить проблему в *данной* ситуации и подготовить благополучный исход в следующей.

Другой, не менее важной характеристикой является *индивидуальное своеобразие* совладания. «Coping есть индивидуальный способ взаимодействия человека с ситуацией в соответствии с ее логикой, значимостью в жизни человека и его психологическими возможностями»¹⁶¹. Отталкиваясь от этого определения, резонно поставить вопрос о существовании индивидуальных стилей поведения в маргинальной ситуации, будь то безработица, миграция или бедность.

С одной стороны, совладание варьирует от человека к человеку, поскольку соотносит ситуацию с личными ресурсами и предрасположенностями субъекта. С другой стороны, мы можем говорить об индивидуальных стилях только в условиях относительной социальной неопределенности, когда есть возможность выбора целей, образцов, сфер и способов приложения своих ресурсов. Социальные факторы индивидуального стиля поведения в маргинальной ситуации выстраиваются в такой иерархической последовательности: 1) уровень неопределенности социальных дифференциаций и связанных с ними доступов к деятельности, 2) уровень неопределенности социальных оценок тех или иных групп, 3) вариативность целей и 4) условий поведения представителей этих групп¹⁶².

Чем жестче и определеннее конструируются перечисленные факторы, тем меньше возможностей для стилового разнообразия в совладающем поведении маргиналов, тем уязвимее они становятся как группа, "застывшая" в своем окраинном или промежуточном положении. Видимо, этим следует объяснять сложности с адаптацией «некоренных» этнических групп в некоторых странах СНГ или безработных в маленьких городах с монопроизводством, которые попадают в чрезмерную зависимость от внешних условий и не могут полноценно реализовать свои индивидуальные ресурсы. Хотя совладание с этой точки зрения предстает перед нами как ограниченный набор заданных социальной структурой матриц поведения в сложной ситуации, тем не менее задача наполнения его конкретными поступками, неудачами и преодолениями не снимается.

Индивидуальное своеобразие, наличие контекстуальных (как синхронных, так и диахронных) зависимостей, включенность в мотивационно-смысловые системы личности — эти особенности совладания ставят перед исследователями задачу активного использования качественных методов.

Наконец, следует сказать о важной роли когнитивных, эмоционально-волевых процессов, личностных свойств и особенностей самосознания при объяснении совладающего поведения. Внимание к ним во многом определяется теоретическим выделением промежуточных переменных во взаимодействии субъекта с трудной ситуацией. Этот методологический ход является достаточно универсальным, ведь еще Г.Селье, описывая стресс, заложил важное различие между первичной реакцией на внешнее воздействие и той внутренней рабо-

¹⁶⁰ Ромен Гари. Избранное. Рига: Полярис, 1994.

¹⁶¹ Нартова-Бочавер С.К. Указ. соч. С.21.

¹⁶² См.: Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.:Педагогика, 1986; Толочек В.А. Стили деятельности: Модель стилей с изменчивыми условиями деятельности. М., 1992; Стиль человека: психологический анализ. М.: Смысл, 1998.

той, которая обеспечивает устойчивость организма в неблагоприятной ситуации, связав ее со стадией повышенной резистентности¹⁶³.

На практике в роли промежуточных переменных, позволяющих «держать удар» и преодолевать трудности, могут выступать адекватная оценка своего взаимодействия со средой или его переоценка, построение плана, предвидение препятствий, концентрация на сути проблемы, эмоциональная устойчивость, направленность на взаимодействие с другими, уверенность в себе, самоуважение, внутренний локус контроля и т.д.¹⁶⁴. Многообразие этих процессов и факторов позволяет поставить вопрос о существовании некоторых интегральных внутренних структур, опосредствующих совладание. Возможно, в случае с преодолением маргинальной ситуации следует говорить об особой *адаптационной компетентности* человека.

Казалось бы, знание о внутренних переменных представляет узкий психологический интерес. Однако имеются данные, свидетельствующие, что они влияют на эффективность социальной поддержки некоторых групп населения. Оказание такой поддержки лицам с внешним локусом контроля или отсутствием чувства личной компетентности не только не предупреждает стрессы, но даже повышает уязвимость к ним¹⁶⁵.

В данном контексте изучение внутренних переменных конструктивного поведения приобретает особое значение. Их вполне можно отнести к «канальным факторам», т.е. таким аспектам во взаимодействии индивида и ситуации, которые способны оказать наибольшее влияние на поведение субъекта¹⁶⁶. В одних случаях сюда попадет план действий, в других — социальный образец, в третьих — групповая норма. Например, активное конструирование позитивной перспективы повышает стрессоустойчивость, наблюдение эффективного поведения (так называемое научение по образцу) помогает справиться с проблемой, осознание групповой принадлежности влияет на принятие решений и т.д. Канальные факторы позволяют объяснять неудачи некоторых решений в социальной и прочих сферах и определять перспективные направления их разработки.

Хотя совладание — традиционно психологическое понятие, его социологизация может быть осуществлена в рамках маргиналистики. Для этого имеются определенные предпосылки. Авторы, занимающиеся проблемами маргинальности, давно обратили внимание на необходимость дифференцировать позицию в социальной структуре и набор субъективных характеристик, которые могут развиваться в индивидууме, занимающем такое положение. За дифференциацией рано или поздно должно последовать теоретическое объединение двух сторон. Действительно, какую функцию выполняют субъективные характеристики в преодолении маргинального статуса? Какое место они занимают в динамике маргинальных ситуаций и — шире — общей социальной динамике?

При поиске ответов на эти и другие вопросы важную роль может сыграть такая область знания, как адаптация к социальным изменениям, которая содержательно пересекается и с совладанием, и с маргинальностью, «терпима» к обоим объектам. В зависимости от «субстрата», в рамках которого разворачиваются механизмы адаптации, можно выделить общебиологический, социоструктурный подходы, а также подход, «оперирующий психологическими сущностями»¹⁶⁷. Последний весьма популярен. В конкретных эмпирических исследованиях он раскрывается через различные когнитивно-мотивационные образования (достижительская активность при удовлетворении частного интереса, принятие «новых» ценностей, в том числе ценности «свободы выбора», а также умение делать сами выборы, допущение человеком изменчивости своего жизненного пути и др.), которые могут быть проинтерпретированы как факторы совладания и от наличия которых зависит успешность адаптации индивидуума к меняющимся и неопределенным социальным обстоятельствам.

Адаптация отдельного человека связана с адаптацией групп, общностей, социума в целом, поскольку представления людей о самих себе, их планы, действия и возможности определенным образом включаются в представления, регулирующие деятельность социальных систем. Например, можно обратить внимание на то, что увеличение эффективно или неэффективно адаптированных индивидов оказывает влияние на экспектации среды, на межличностное и межгрупповое взаимодействие, отчего в свою очередь меняется напряженность адаптационного процесса¹⁶⁸.

Важно заметить, что речь идет не просто о связи, а о взаимной детерминированности процессов адаптации, протекающих на разных уровнях. Индивидуальное поведение организуется в форме совладания не само по себе, а с учетом имеющихся социальных ресурсов. В то же время социальные ресурсы обнаруживают себя через действия конкретных людей. Группа адаптируется не сама по себе, а в контексте межгрупповых связей.

¹⁶³ Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. М.: Медицина, 1960.

¹⁶⁴ Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. N.Y.: Springer, 1984; Moos R.H., Schaeffer J.A. Life transitions and crises: A conceptual overview// Moos R.H. (Ed.) Coping with life crises. N.Y.: Plenum, 1986; Джидарьян И.А. Психологические причины поведения счастливых и несчастливых людей в трудных жизненных ситуациях// Вестник РГНФ. 1998. N1; Либина А., Либин А. Указ. соч. и др.

¹⁶⁵ Цит. по: Gore S., Eckenrode J. Context and process in research on risk and resilience// Haggerty et al. (Eds). Stress, risk, and resilience in children and adolescents: processes, mechanisms, and interventions. Cambridge: Cambridge university press, 1994. P.43-44.

¹⁶⁶ Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект-Пресс, 1999.

¹⁶⁷ См.: Демин А. Адаптация молодежи к социальным изменениям// Социальные изменения в России и молодежь. М.: МОНФ, 1997.

¹⁶⁸ Березин Ф.Б. Указ. соч. С.156.

Последние, в свою очередь, конструируются, развиваются конкретными группами. И так далее. Возможно, что здесь наиболее продуктивной окажется многомерная модель объяснения, позволяющая описывать социальное действие как интенциональное, объективно детерминированное и инструментальное одновременно, к чему склоняется ряд ведущих социологов (Дж.Александр, Э.Гидденс, Дж.Ритцер, П.Штомпка)¹⁶⁹.

Перспектива многомерного междисциплинарного анализа весьма заманчива для научной интерпретации совладания. Пока же следует учитывать следующее.

1. Методологический статус понятия "совладание" определяется тем, что оно:
  - фиксирует особый срез жизнедеятельности любого человека, решающего проблемы адаптации;
  - вероятно, способно быть теоретическим медиатором в диалоге различных моделей жизненных трудностей и индивидуальных адаптаций;
  - показывает значение контекстуального подхода к исследованию процесса адаптации.
2. Важными содержательными атрибутами совладания являются:
  - конструктивность, т.е. направленность на доступное в данной ситуации реальное разрешение проблемы и подготовку благополучных исходов в будущих ситуациях;
  - ситуативность, т.е. динамическое взаимодействие с другими модусами поведения и зависимость от контекста;
  - индивидуально-стилевая специфика, в связи с чем общая картина приемов совладания может быть не только пестрой, но и варьировать от группы к группе;
  - наличие промежуточных переменных в виде когнитивных, эмоционально-волевых процессов, свойств характера и самосознания.

Перечисленные атрибуты взаимообуславливают друг друга (например, конструктивность зависит от контекста и индивидуальных ресурсов). По отдельности они вряд ли смогут характеризовать совладание.

3.4. Маргинальный статус

Маргинальный статус – базовый уровень исследования маргинальности, важное звено в его логической цепи. По сути, это основной конструкт, позволяющий исследовать это явление на эмпирическом уровне. Ведь трудно не согласиться с точкой зрения по поводу того, что «маргинальны не люди, а их связи и отношения». Поэтому следует признать правомерным утверждение Т. Шибутани о том, что это понятие ключевое в понимании маргинальности¹⁷⁰.

Маргинальный статус рассматривается в непосредственной связи с другими составляющими – маргинальной ситуацией, маргинальной личностью и маргинальной группой, а также ситуацией преодоления маргинального кризиса (совладания с маргинальной ситуацией). Особое значение имеет исследование маргинальной ситуации как комплекса факторов, инициировавших формирование маргинального статуса.

В самом общем виде маргинальный статус можно понимать как позицию промежуточности, неопределенности, в которую индивид или группа попадают под воздействием маргинальной ситуации.

Проблематику исследования маргинального статуса определяют две группы задач:

1. Исследование механизмов формирования новой социальной структуры, становления новых типов отношений. Это предполагает обращение к наиболее глубинному уровню – формирования статусных позиций, и, прежде всего, переходных, промежуточных, *маргинальных*, где наиболее интенсивны «накопления» новых социальных качеств, наиболее яркие и выразительны показатели характера социальных процессов, направления и смысла их развития, наиболее отчетливы новые типы социальных практик.

2. Особенности процессов адаптации, происходящих на групповом и индивидуальном уровне в результате трансформации положения.

Соответственно все разнообразие подходов к решению этих задач фокусируется в направлениях, в рамках которых маргинальный статус рассматривается:

- как элемент формирования новой социальной структуры. Это магистральное направление фокуса внимания социологов, исследующих процессы социальных изменений;
- как состояние личности, адаптирующейся к трудноразрешимым дилеммам. Данная традиция характерна для американской традиции исследований маргинальности. Это область исследований, смежная с социальной психологией.

В понимании маргинального статуса можно выделить в соответствии с указанными направлениями следующие основные подходы.

Прежде всего, в соответствии с "историей" исследований маргинальности, обратимся к подходу, рассматривающему маргинальный статус как *позицию, фиксирующую двойственность положения* индивида или группы в ситуации выбора идентификации. Эту двойственность определяет принадлежность к двум или более группам, занимающим неравное положение в иерархии престижа (господствующая и подчиненная культуры, мейнстримная культура и субкультура, стигматизированная и референтная группы и т.п.). Примеры таких ситуаций в ракурсе этнокультурного конфликта достаточно детально анализировались американскими исследова-

¹⁶⁹ Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М., 1996.

¹⁷⁰ См.: Шибутани Т. Социальная психология. М., 1999.

телями. Так, при исследовании положения молодых индейцев в резервации под маргинальным статусом понималась "позиция, в которой индивид был подвержен влиянию сил, побуждающих его идентифицировать себя как с доминирующей, так и с подчиненной группами"¹⁷¹. При этом исследовалась ситуация, когда индивид в равной степени относит себя к обеим группам, степень маргинальности понималась в зависимости от обособленности притязаний и имеющихся ресурсов для такого отнесения, от позиций относительно последнего самих групп, а также от личностных качеств. Разные исследователи по-разному оценивали характерный тип маргинальности – либо как длительное «равновесие», «балансирование» между группами, либо как протест при невозможности разрешить культурный конфликт. Различные типы такого конфликта рассматривались Парком, Стоунквистом, Голдбергом, Антоновски, Дики-Кларком, Манчини и др.

Следует подчеркнуть проблему, которая каждый раз решалась в исследованиях такого направления. Она состоит в различении между набором психологических черт, определяющим "комплекс маргинального человека", и объективной позицией в социальной структуре.

Другой подход основан на исследовании структурных источников формирования маргинального статуса. Социальный статус как позиция в социальной структуре, обеспечивающая социальные связи между субъектами общественных отношений¹⁷², определяется в разных системах показателей, опираясь на разные подходы. Особый интерес представляет понимание динамики социального статуса. В целом акцент на динамической составляющей статуса, особенно во времена быстрых социальных изменений, вполне правомерен и обоснован¹⁷³.

Для понимания маргинального статуса представляется важным *нормативно-ролевой аспект* социального статуса. Это подтверждает определение маргинального статуса, данное в учебнике «Социология труда». Его авторы рассматривают маргинальный статус личности как "позицию, фиксирующую объективно заданные противоречия в способах поведения, которые определяются, с одной стороны, многообразием статусно-ролевых и функциональных характеристик личности, с другой стороны, промежуточными состояниями перехода из одного статуса в другой"¹⁷⁴. При этом широк спектр случаев маргинального статуса: "при переходе индивида из одной социальной среды в другую; при смене одного темпорального статуса на другой; при кардинальном изменении образа жизни, вида профессиональной деятельности, системы социальной коммуникации; при смене социального, профессионального, экономического, политического или религиозного статуса"¹⁷⁵.

Известно, что каждая позиция в социальной структуре общества фиксирует определенные социальные роли, определяемые, в свою очередь, социальными нормами. В периоды социальной аномии, сопровождающей интенсивные социальные изменения, происходит разрушение норм при отсутствии новых, формирование новых оснований для конструирования социальных ролей и, соответственно, статусных позиций. Маргинальный статус и определяет такое состояние в целом, в частных же случаях он формируется в результате утраты или смены основного социального статуса или существенных его составляющих.

Таким образом, маргинальный статус характеризует поведенческую, динамическую сторону социальной структуры, акцентирование которой характерно для аномийного или трансформационного состояния социальной структуры. Типы поведения, формирующиеся в этой ситуации и согласующиеся со стратегиями эволюции маргинального статуса, описал Р. Мертон¹⁷⁶.

Некоторые теоретические аспекты исследования маргинального статуса, связанные с рассмотрением *статусных ресурсов* и *степени маргинальности* статуса, покажем на примере исследования безработных (содержательные аспекты анализа изложены в разделе 4.2)¹⁷⁷.

Статусные ресурсы в данном исследовании показывают реальные возможности социального восхождения/нисхождения, способы и варианты изменения социального положения. Исследовались следующие группы характеристик статуса, определяющих его ресурсы:

«внутренние»: образовательные; профессиональные; демографические (возраст, пол, семья); материальные; социальные (принадлежность к той или иной социальной, политической, религиозной общности);

«внешние»: особенности региональной, локальной ситуации и политики в сфере занятости.

Определение степени маргинальности базировалось на предположении о том, что в разных ситуациях будут фиксироваться разные по интенсивности и другим характеристикам маргинальные позиции. Для их определения могут использоваться две системы показателей: объективные (комплекс внешних условий, определяющих типы маргинальной ситуации) и субъективные (связанные со степенью самооценки изменений параметров статуса).

¹⁷¹ Kerckhoff A.C., McCormick T.C. Marginal status and marginal personality // Social Forces. 1955. № 34 (October). P. 50.

¹⁷² Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1995. С. 771.

¹⁷³ См., например: Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1996. С. 115.

¹⁷⁴ Социология труда: Учебник / Под ред. Н.И. Дряхлова, А.И. Кравченко, В.В. Щербины. М., 1993. С. 178.

¹⁷⁵ Там же. С. 179.

¹⁷⁶ Эти типы обозначены как конформность, инновация, ритуализм и ретритизм и мятеж. На наш взгляд, среди типов, соответствующих эволюции статуса маргинальной личности, следует выделить два последних. См.: Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социол. исслед. 1992. № 2, 3; 1993. № 4.

¹⁷⁷ Безработные специалисты, длительное время находившиеся в данном статусе, классифицировались как маргинальная группа. См.: Попова И.П. Особенности маргинального статуса безработных специалистов // Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету. М.: МОНФ, 2000.

Исследование специфики маргинального статуса работников на практике связано с наиболее болезненными социальными проблемами, характерными для современной России, на особом месте среди которых – «скрытая безработица». Это сложное, малоизученное явление, в основе которого – с одной стороны, разрыв между падением производства и сокращением занятости, а с другой изменение структуры и принципов функционирования рынка труда, специфично для современной России. Его исследование имеет ряд аспектов. Один из них актуализирует проблему «теневой занятости», ее экстенсивности (существования нескольких дополнительных видов занятости и даже нескольких основных мест работы). В итоге человек вынужден приобретать несколько, зачастую не дополняющих, а противоречащих друг другу, профессионально-должностных статусов, находясь в драматичной ситуации выбора определяющего. Данная проблема стала предметом исследования маргинального статуса специалистов, поддержанного Фондом Дж. и К. Макартуров (грант № 00-62782, автор И.П. Попова). Его первые результаты (в Краснодарском крае и Ивановской области) приводят к выводу о том, что примерно в 1998-1999 гг. под влиянием положительных процессов в экономике (или отдельных отраслей) снижается острота «скрытой безработицы». Типы маргинальных позиций разнообразны. Так, на градообразующем текстильном предприятии в малом городе Ивановской области «приспособительный» тип занятости, распространенный в наиболее трудные времена начала и середины 90-х, привел к появлению неопределенной установки в отношении занятости: нужно и «зарабатывать» и «что-то держит» на предприятии». На предприятии перерабатывающей промышленности фиксируется выстраивание «видимой» карьеры наряду с созданием собственного дела «в тени», и т. д. Таким образом, на первый план выходит проблема формирования новых социальных качеств субъектов в результате практики занятия позиций на рынке труда в изменившихся условиях.

3.5. *Континуум маргинальных ситуаций*

В такой постановке темы заслуживает внимания прежде всего само понятие «маргинальная ситуация». Будучи словом, употребляемым в обыденной речи, понятие «ситуация» в разных контекстах часто встречается в социологической литературе, в том числе и в источниках по маргинальности. В частности, в специально посвященной проблемам маргинальности работе И.П. Поповой¹⁷⁸ оно встречается более 70 раз.

В данной работе поставлены следующие задачи: прояснить традицию исследования ситуации, определить границы маргинальной ситуации, подчеркнуть междисциплинарный характер изучения последней.

Мы будем делать акцент на совладании¹⁷⁹ в исследовании маргинальной ситуации, и объясняется это тем, что изучение указанного феномена возможно только в связи и по поводу ситуации. В том числе маргинальной, которая диктует необходимость «выхода» из проблемы, ее конструктивного решения.

Специальный анализ позволит расширить эвристические возможности понятия «маргинальная ситуация» и более эффективно использовать его потенциал для характеристики процесса маргинальности.

В обыденном значении ситуация (от франц. situation) — положение, сложившееся в силу стечения обстоятельств, обстановка, совокупность обстоятельств. Этимологический анализ слова особенно не прибавляет информации — в русском языке слово известно с начала XVIII в., а во французском — восходит к средневековому латинскому «situaġe» — располагать, ставить, размещать, положение.

В гуманитарных науках термин повсеместно присутствует, обозначая также совокупность обстоятельств, характеризующих этап жизни человека, особенности социального окружения и пр.

Однако можно выделить как особое направление традицию анализа ситуации в философии экзистенциализма.

Экзистенциальная философия «выросла» из философии жизни (Ницше, Дильтей, конец XIX — начало XX вв.). Поставленная философией жизни задача — понять человеческую жизнь, исключая все внешние установки, непосредственно из нее самой, в свою очередь, является выражением определенного поворота в гуманитарной традиции — от объективного к субъективному, или — от мышления, не связанного субъективным началом, к мышлению, связанному с таковым. Критика философии жизни, касающаяся прежде всего релятивистских устремлений, послужила основой для формирования нового философского направления — экзистенциальной философии, основой которой является соотношение всех объективных порядков с их происхождением в человеке. Время расцвета экзистенциальной философии — это 1920-30-е гг. Вышедшие в это время литературные произведения (например, роман Ф. Кафки «Замок») могут служить иллюстрацией к данному смысловому полю.

Экзистенциалистское направление в философии, яркими представителями которого являются А. Камю, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, К. Ясперс, в свою очередь, можно соотнести с феноменологической традицией в социологии. Известную цепочку — Бергсон — Гуссерль — Шюц, можно рассматривать как параллельную ветвь взаимовлияния, взаимопересечения философии и социологии.

С точки зрения экзистенциализма, в частности, Ясперса, человек всегда находится в ситуации и не может выйти из ситуации, не попав в другую. Ситуации — суть нечто, что человек должен претерпевать. Он отдан в их распоряжение. Различие философии экзистенциализма с философией жизни заключается в том числе и

¹⁷⁸ Попова И.П. Маргинальность: Социологический анализ. Учебное пособие. М., 1996.

¹⁷⁹ См. подробно гл. 3.3.

в том, что последняя не склонна ощущать *положение* в качестве причиняющего страдание изъяна, в качестве преграды. Скорее философы жизни видят в положении подоснову, несущую человека и обуславливающую все его отдельные способы поведения. Понятие *ситуации*, используемое экзистенциалистами, напротив, делает акцент именно на моменте сопротивляемости, тем самым подчеркивая сущность человеческой конечности. Здесь мы обнаруживаем явную близость к пониманию ситуации в социологии, а также это открывает возможности для анализа совладания с маргинальной ситуацией.

Ограниченность человека ситуацией проявляется уже в самом факте постоянного навязывания, пребывания в ситуации. Однако при этом возникают другие радикальные моменты ограниченности нашего бытия, противостоящие ему в качестве принципиально непреодолимых преград. Это — те ситуации, которые не столько определяются в частностях, сколько выступают в качестве общего положения дел, ситуации, которые хотя и изменяются сообразно обстоятельствам в их конкретных явленных формах, однако при этом как таковые принадлежат самому личному бытию. Экзистенциалисты относят сюда тот факт, что человек должен умереть, что в действии и бездействии он неминуемо должен принять на себя вину, что он предоставлен случайности, где он постоянно побуждает себя никогда не избегать страданий и болей и может поддерживать свою внешнюю и внутреннюю жизнь лишь в борьбе с противником (пограничные ситуации смерти, угрозы, борьбы, случайности, вины и пр.). Опыт пограничной ситуации «не учит». Ясперс, характеризуя пограничные ситуации, пишет: «Они не изменяются (разве лишь внешне); относясь к нашему бытию, они являются окончательными. Они необозримы; в нашем существовании мы не видим за ними ничего прочего. Они представляют собой стену, на которую мы наталкиваемся, о которую мы разбиваемся. Нам нужно не изменять их, а лишь добиваться их ясности, ибо мы не в силах объяснить их, вывести из чего-то другого. Они существуют наряду с самим нашим бытием»¹⁸⁰. Пограничные ситуации противопоставлены любой успокоенности в гармоничном и замкнутом образе мира, они поддерживают в человеке в бодрствующем состоянии то беспокойство, которое гонит его вперед. Пограничные ситуации как бы ведут человека от личного бытия (условно говоря, реального бытия) к экзистенциальному существованию (другими словами — воплощению, идеалу бытия).

Отсюда — *разница в понимании ситуации в экзистенциальной философии и социологии*: для экзистенциалистов ситуация имеет значение «бытийного пункта» — ситуация — нечто навязанное, довлеющее над человеком. А пограничные ситуации, с их критическим, кризисным содержанием являются основанием для смысложизненной рефлексии. Таким образом, в экзистенциальной философии ситуация — «переживаемое». Социолога же, очевидно, интересуют «последствия» ситуации, если понимать ее в вышеуказанном значении. Ситуация как основа для действий — вот социологический аспект проблемы. Из рефлексии над ситуацией => действие по поводу ситуации. Как отмечает О.Ф. Больнов, «мир представляет собой для личного бытия не просто всеобщий фон, но одновременно всегда уже совершенно определенное стечение обстоятельств, совершенно определенный мир, в котором это бытие себя обнаруживает и которое совершенно определенным образом *требует от него ответа*»¹⁸¹ (курсив мой — Л.П.). Продолжая эту идею, можно сказать, что социологи концентрируют свои усилия на анализе этого ответа, признавая, что требование ответа с неперемнностью этот ответ предполагает. Итак, в описываемом контексте ответ на ситуацию — предмет социологического изучения. И это относится по преимуществу к маргинальности, рассматриваемой на частном уровне — как «следствию нахождения в маргинальном статусе»¹⁸². Такой аспект рассмотрения проблемы маргинальности — анализ поведения субъекта в ситуации маргинальности — позволяет обратиться и к механизмам выхода, адаптации, *совладания* с маргинальной ситуацией.

Как раз в анализе маргинальной ситуации просматривается почти буквальный экзистенциальный смысл — может быть, для маргиналов ситуация как раз и является такой, как в экзистенциализме — они ничего не могут сделать с ней, а только иметь в виду, обдумывать, принимать. Маргинальные ситуации существуют рядом с человеком, как правило, они «навязаны» ему макросоциальными процессами. Можно сказать, что не во всех случаях маргинальная ситуация предоставляет человеку возможность для «выхода», конструктивного совладания с ней. И если это так, то маргинальная ситуация становится фоном человеческого существования, с ней можно только смириться (иметь ее в виду — по выражению экзистенциалистов), отсюда — ограниченность стратегий совладания с ней.

Другое важное отличие философско-экзистенциального подхода к анализу ситуации от социологического заключается в разноуровности, политеоретичности последнего. Экзистенциалисты, равно как и феноменологи, могут быть отнесены к идиографической традиции — рассмотрение уникальности, единичности объекта. Если в этом контексте оценивать понятие «маргинальная ситуация», то оказывается, что это соответствует традициям микросоциологического подхода. И это — две почти противоположных куска рассмотрения маргинальной ситуации — макроподход — маргинальная ситуация как стечение объективных обстоятельств, как следствие перемещения, движения социальных макроструктур; и микроподход — маргинальная ситуация в представлении человека, в единичном случае, как следствие микрособытий человеческой жизни, и здесь важна для нас самооценка, рефлексия, активность субъекта (будь то человек или группа). Возможно, понятие «маргинальная ситуация» следует анализировать именно исходя из этих двух посылок — микроситуация и макроси-

¹⁸⁰ Цит. по: Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма. СПб.: Лань, 1999. С. 85.

¹⁸¹ Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма. СПб.: Лань, 1999. С. 80.

¹⁸² Попова И.П. Маргинальность: Социологический анализ. Учебное пособие. М., 1996.

туация. Ситуация как стечение, совокупность обстоятельств — это может быть и совокупность индивидуальных, частных обстоятельств, и совокупность макрообстоятельств, макропричин. Однако, одинаково ли все реагируют на эту «макромаргинальную» ситуацию? Возможно: человек со своим взглядом на мир, со своим мышлением оказывается в определенной ситуации и это вызывает маргинальность? То есть маргинал — не любой, а тот, который определенно реагирует на жизненную ситуацию, определенно ведет себя в жизненных обстоятельствах. «Экзистенциальный мыслитель» оказывается *в своем мышлении посредством собственного бытия* в совершенно определенном положении с присущими этому положению объективными обстоятельствами»¹⁸³ (курсив мой — Л.П.). Получается, что если дело в том, как отдельный человек реагирует/ведет себя в определенных обстоятельствах, то тогда нет маргинальной ситуации? Однако с точки зрения макроподхода к анализу маргинальной ситуации безусловным является внешний, объективный анализ обстоятельств, совокупность которых определяется как маргинальная ситуация.

Более «социологичным», и в этом смысле более подходящим для анализа совладания с маргинальной ситуацией, является характеристика последней у К. Ясперса.

Ясперс выделяет ситуации *бессознательные*: тогда они «оказывают воздействие без того, чтобы тот, кого это касается, знал, как это происходит, [и *осознанные* —] наличные для сознающей самое себя воли, которая может их принять, использовать и изменить. Ситуация, ставшая осознанной, взывает к определенному поведению. Благодаря ей не происходит автоматически неизбежного, она указывает возможности и границы возможностей: то, *что* в ней происходит, зависит также от того, *кто* в ней находится, и от того, *как* он ее познает. Само постижение ситуации уже изменяет ситуацию, поскольку оно апеллирует к возможному действию и поведению»¹⁸⁴. Увидеть ситуацию означает начать господствовать над ней, а обратить на нее пристальный взор — уже — в терминах экзистенциальной философии — борьбу воли за бытие, то есть борьбу человека за самоценность, его самоутверждение и пр.

По Ясперсу, «обстоятельства, в которых находит себя отдельный человек», сводятся к трем основным группам:

Экономические, социальные и политические ситуации (звучит тавтологично, но у Ясперса так и есть — ситуации зависят от ситуаций). Конечно, это можно рассматривать как макрофакторы, влияющие на складывание маргинальной ситуации — определенное состояние общества.

Исторически приобретенное, наличное теперь знание.

Социальное окружение и ценностный контекст — «то, чем он [человек] станет, ситуационно обусловлено людьми, с которыми он встретится, и возможностями веры, к нему взывающими»¹⁸⁵.

Добавим к рассматриваемым Ясперсом особенностям ситуации социологический контекст.

Таблица 1. Сравнительная характеристика особенностей ситуации в экзистенциализме и социологии

Особенности ситуации по Ясперсу	Параллельно — социологический подход
<p>Бытие человека находится в качестве существования в экономических, социальных, политических ситуациях, от реальности которых (Ясперс последнее выделяет курсивом) зависит все остальное, хотя не они только делают ее действительной.</p> <p>Общим сегодня является не человеческое бытие, как всепроникающий дух, а расхожие мысли и лозунги, средства сообщения и развлечения. Они образуют воду, в которой плавают, а не субстанцию, быть частью которой означает бытие. Общая социальная ситуация не есть решающее, она — скорее то, что ведет к ничтожеству. Решающим является возможность самобытия, еще не становящегося сегодня объективным в своем особом мире, который включает мир, общий для всех,</p>	<p>Особенности имеющегося в социологической литературе рассмотрения маргинальной ситуации — выдвижение в качестве основной причины объективного состояния общественных структур. Это и массовая маргинализация, которая происходит в периоды экономических кризисов, войн, резкого увеличения численности населения и пр., предъявляющих к экономике требования, невыполнимые при существующем социальном порядке и вызывающие сокращение занятости. И возникновение новых групп, означающее появление новых маргинальных ситуаций. Также характеристика возможности мобильности, присутствие в обществе обычного социального движения.</p> <p>Другой аспект сравнения — включение в интерпретационное поле понятия «социализация». Включить мир в себя, вместо того чтобы быть им поглощенным — здесь можно сделать отсылку к искаженным формам социализации, о которых в свое время писал Э.Фромм (мазохизм, садизм, деструкция и др.).</p>

¹⁸³ Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма. СПб.: Лань, 1999. С. 80.

¹⁸⁴ Ясперс К. Духовная ситуация времени // Философские науки. 1988. № 12. С. 102.

¹⁸⁵ Ясперс К. Указ. соч. С. 103.

Особенности ситуации по Ясперсу	Параллельно — социологический подход
вместо того чтобы подвергаться его вторжению.	
<p>Исторически приобретенное, наличное теперь знание, в своем содержании и в характере того, как происходит познание и как знание методически расчленяется и расширяется, является ситуацией, по возможности ясной для человека.</p> <p>Растущая доступность знания — его формы, метода и часто содержания — все большему числу людей.</p>	<p>«Исторический опыт маргинальности» — связь со стратегиями совладания с маргинальной ситуацией, с оценкой степени ее критичности, связь с уровнем культуры, образования субъекта маргинальной ситуации, степенью его ограничителей, возможностей и пр. Сюда относится проблема «научения» совладанию с маргинальной ситуацией.</p> <p>Вовсе не обязательно, что человек, попавший в маргинальную ситуацию, оказывается «подавлен, разрушен» ею, как это отмечают экзистенциалисты. Маргинальность статуса может быть катализатором реализации потенций человека, активизации его ресурсов. Другой вопрос — от чего зависит «реакция» человека на «вхождение» в маргинальную ситуацию — одни ведут себя активно, демонстрируя успешные стратегии совладания, другие — ломаются, перетекают еще дальше на «край» общества. Ср. с характеристикой «культурной маргинальности» у Стоунквиста¹⁸⁶: для маргинального человека характерно «избыточное самосознание» — в частности, ему присущ более широкий кругозор и более независимое и рациональное мышление, а также ряд компенсаторных реакций — чрезмерный эгоцентризм, рациональность, агрессивность, сильное стремление вперед несмотря на трудности.</p>
<p>То, чем он сам станет, ситуационно обусловлено людьми, с которыми он встретится, и возможностями веры, к нему взывающими.</p>	<p>Акцент на групповом/индивидуальном характере маргинальной ситуации, а также внимании к ценностным аспектам, идентичности. Например, достижение может влиять на выход из маргинальной ситуации. Связь с маргинальным статусом — переходом в более высокую группу. Очевидно, сюда же можно отнести выделяемую в отдельную категорию референтную маргинальность.</p> <p>Использование в качестве основания для маргинальности неучастия в правах и самообеспечении (бродяги, наркоманы, бездомные и пр.) позволяет выделить в качестве основных факторов маргинальной ситуации ценностные характеристики субъекта. Сначала не соответствуют, вступают в конфликт ценности субъекта, а как следствие — окраинное его положение.</p>

Таким образом, предложенные К. Ясперсом характеристики маргинальной ситуации (макросоциальные факторы, когнитивные и ценностно-референтные) оказываются эвристически нагруженными и в социологическом анализе последней. Предстоит более подробный их анализ и обоснование данной типологии.

Вообще, типологизировать маргинальные ситуации можно по нескольким основаниям:

Выше было упомянуто разделение на макро- и микроуровни. Основанием в данном случае является уровень рассмотрения, анализа ситуации.

Для разделения на индивидуальные и групповые маргинальные ситуации основание — это число субъектов, объективно связанных с факторами, приводящими к маргинализации.

Имеет значение степень осознанности маргинальной ситуации — можно выделить, как у Ясперса, осознанные и бессознательные маргинальные ситуации. Очевидна связь с уровнем рефлексии субъекта маргинальной ситуации.

Другой критерий — отношение к маргинальной ситуации — маргинальная ситуация как источник активности, стимул, или маргинальная ситуация как якорь, отсюда — интенсивная нисходящая мобильность.

¹⁸⁶ См.: *Феофанов К.А.* Социальная маргинальность: характеристика основных концепций и подходов в современной социологии // РЖ. Общественные науки за рубежом. Социология. 1992. № 2. С. 71.

Причины маргинальности, основания маргинальной ситуации также можно выделить в самостоятельный критерий типологизации последней. Так, Попова И.П. выделяет комплексы факторов, порождающих «разломы, глубокие изменения в различных сферах социальной жизни», — экономический, социальный и духовно-идеологический¹⁸⁷.

Сюда же можно добавить (в качестве основания для типологизации и изучения маргинальных ситуаций) «моду» на новое, современное. Это также может быть источником маргинальности. Страх оказаться несовременным. Маргинал — это еще и «выдающийся» из времени.

Очевидно, что предложенная структура типологии маргинальных ситуаций не является полной.

В теме заявлены подходы к изучению стратегий совладания с маргинальной ситуацией. Сама идея обращения к совладанию с маргинальной ситуацией имеет в качестве основания дилемму — «мириться» или нет с маргинальным статусом, маргинальным положением, маргинальной ситуацией в конечном счете. Анализ стратегий совладания с маргинальной ситуацией целесообразен, если принять, что маргинальная ситуация — всегда проблема для человека. Осознание, преодоление, изменение — такие процессы с уверенностью можно отнести к «переживанию» маргинальной ситуации. Изучение «работы» по интериоризации, освоению маргинальной ситуации возможно с использованием категории «совладание», несмотря на «юный возраст» последней в отечественной социологии¹⁸⁸. Исследование совладания с маргинальной ситуацией также важно рассматривать в русле общегуманистической традиции — так называемого «поворота к человеку», о чем было упомянуто вначале.

Итак, маргинальная ситуация — объемное и вполне нагруженное понятие, уже имеющее определенную аналитическую традицию, представленную, в частности, в философии экзистенциализма, и с очевидностью требующее дальнейшей интерпретации в социологическом контексте.

---

¹⁸⁷ Попова И.П. Маргинальность: Социологический анализ. Учебное пособие. М., 1996.

¹⁸⁸ См.: Петрова Л.Е. Методологические подходы к изучению проблемы совладания с жизненными трудностями // Психологическая адаптация личности к условиям рыночной экономики / Под. ред. Т.Ю. Синченко, В.Г. Ромека. Ростов-на-Дону, 1999. С. 23 – 37.